УДК 94(47).084.6

И. А. Анфертьев

М. Н. Рютин. Накануне исключения из партии президиумом Центральной контрольной комиссии ВКП(б)

Политическая деятельность М. Н. Рютина[1] и других оппозиционных деятелей на рубеже 1920-х — 1930-х гг. против установления в партии режима личной власти И. В. Сталина достаточно подробно описана и, казалось бы, нет особой необходимости еще раз возвращаться к данной проблеме[2]. Однако целый ряд исследований, особенно уви-

[1] См.: *Анфертьев И. А.* Деятельность «Союза марксистов-ленинцев»: М. Н. Рютин и борьба за власть в 1928–1932 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004; *Старков Б.* 1) Честь партии // Знание — сила. 1988. № 11. С. 81–83; 2) М. Н. Рютин (К политическому портрету) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 150–163; 3) «Моя трагедия... трагедия целой эпохи» (из писем М. Н. Рютина родным. 1932–1936 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 163–178; 4) Дело Рютина // Они не молчали. М., 1991. С. 145–178; 5) Утверждение режима личной власти И. В. Сталина и сопротивление в партии и государстве. Итоги политической борьбы в 30-е гг. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992; 6) Заложник социалистической идеи // Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995. С. 181–209; О деле так называемого «Союза марксистов-ленинцев» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 104; *Маслов Н.* Потрясающий документ эпохи сталинизма // Известия ЦК КПСС. 1989. 1990. № 12. С. 200–202.

[2] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995; Историография сталинизма: Сб. ст. М., 2007; *Хлевнюк О. В.* 1) Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996; 2) Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010; История сталинизма: репрессированная провинция. М.: РОССПЭН, 2011; *Бициоха В. Г.* Формирование советской политической системы: региональный аспект. Октябрь 1917 — середина 20-х гг. (на материалах Саратовской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010; *Борисова Ю. А.* Областные партийные комитеты как органы политической власти на местах в 1918–1937 гг.: на примере Западного региона РСФСР. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; *Богатырев М. А.* Н. И. Бухарин

девших свет в конце 1980-х — начале 1990-х гг., из-за недоступности источниковой базы, содержит неточности, искажения и очевидные, но муссируемые и сегодня домыслы[3]. В частности, нет полной ясности об обстоятельствах исключения осенью 1930 г. М. Н. Рютина из партии. Между тем, это событие можно отнести к числу неординарных, если принять во внимание должность, которую накануне исключения занимал Мартемьян Никитич — председатель Управления фотокинопромышленности, член Президиума ВСНХ СССР[4]. В этой связи впервые публикуемый архивный документ представляет особую ценность для исследователей истории сталинизма, так как позволяет до известной степени реконструировать не только механизм выявления и наказания активных противников режима Сталина среди партийной и государственной номенклатуры, как явных, так и маскирующихся, но и выявить тщательно замаскированный план готовящейся «большой чистки» партии второй половины 1930-х гг. Основных

и НЭП: Проблемы и противоречия. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1994; *Вязьмитинова И. П.* Организационные проблемы большевистской партии в условиях монополии на власть в 20-е годы. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Иванцов И. Г.* Роль внутрипартийного контроля в укреплении и развитии ВКП(б) 1920–1929 гг.: На материалах Кубани. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005; *Измозик В. С.* Политический контроль в Советской России. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995; *Исаев А. Е.* Политическая борьба в ВКП(б) в 1923–1929 гг. в освещении англо-американской историографии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Кислицын С. А.* Борьба ВКП(б) против правого уклона. Проблемы историографии 1920-х — первой половины 1930-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1984; *Лозбенев И. Н.* Взаимодействие экономических и социально-политических процессов в Подмосковье в годы НЭПа. 1921–1929 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Макаров В. Б.* Становление советского государственного управления, октябрь 1917 г. — середина 1920-х гг.: Эволюция доктрины и системы. Дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2002; *Мусаева З. А.* Борьба за политическое лидерство в ВКП(б). 1924–1929 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Назаров О. Г.* Борьба за лидерство в РКП(б) и ее влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; *Пашин В. П.* Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР (Становление, развитие, упрочение, в 1920-х — 1930 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993; *Потапова И. Р.* Формирование командно-административной системы управления промышленностью (1926–1932 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; *Поташев А. Ф.* Феномен троцкизма в отечественной общественно-политической литературе. Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 1993; *Реброва Н. М.* Судьбы сельского хозяйства в России в интерпретации общественно-политических сил 20-х годов. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1993; *Роговин В.* Партия расстрелянных. М., 1997; *Терещук С. В.* Становление и развитие органов государственного контроля в РСФСР–СССР: 1917–1934 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; *Тимофеева Л. А.* Райком в системе местного городского управления в 1920-е годы: На примере источниковедческого изучения фонда Краснопресненского РК РКП(б) / ВКП(б) г. Москвы. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003 и др.

[3] В частности, см.: *Тельман И.* Рютин против Сталина. Бросивший перчатку всесильному горцу. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://mkisrael.co.il/article/2012/01/15/660697-ryutin-protiv-stalina-.html (дата обращения — 04.01.2015).

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 823. Л. 51, 90.

источников о деятельности М. Н. Рютина два: так называемое «реабилитационное» дело Рютина в 5 томах (РГАСПИ) и архив его дочери — Любови Мартемьяновны Рютиной, его она собирала всю жизнь, в том числе неизданные «тюремные» письма Рютина (1932–1936 гг.). Использовались как опубликованные источники[5], так и архивные документы, хранящиеся в РГАСПИ: Ф. 17 — Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991). В нем изучены протоколы заседаний, решения и постановления Политбюро ЦК ВКП(б), стенограммы заседаний Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б); Ф. 56 — Пятнадцатый съезд ВКП(б) (1927); Ф. 57 — Шестнадцатая конференция ВКП(б) (1929); Ф. 58 — Шестнадцатый съезд ВКП(б) (1930); Ф. 74 — Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969); Ф. 85 — Орджоникидзе Григорий Константинович (1886–1937); Ф. 89 — Ярославский Емельян Михайлович (наст. имя: Губельман Миней Израилевич) (1878–1943), Ф. 558 — Сталин (наст. имя: Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953); Ф. 589 — Комитет партийного контроля при ЦК КПСС (КПК) (1952–1991); Ф. 613 — Центральная контрольная комиссия ВКП(б) (ЦКК) (1920–1934). Материалы фонда сосредоточены в четырех описях: Оп. 1 — протоколы пленумов, президиума, секретариата, партколлегии и «партийных троек» ЦКК; Оп. 2 — протоколы ЦКК по пересмотру, проверке и очистке партии (1921); Центральной проверочной комиссии ЦКК (1924–1926); Комиссии ЦКК

[5] О работе в деревне. Резолюция XV съезда ВКП(б). КПСС в резолюциях... Изд. 9. Т. 4. М., 1984; Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства. Постановление пленума ЦК ВКП(б). 10–17 ноября 1929 г. Там же. Т. 5. М., 1984; XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.–Л., 1927; *Рютин М. Н.* 1) Партия и рабочий класс. М., 1924; 2) Сменовеховцы и пролетарская революция. Ростов-на-Дону, 1924; 3) Единство партии и дисциплина. М.–Л.,1926; XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1926. *Сталин И. В.* 1) О правой опасности в ВКП(б). Речь на пленуме МК и МКК ВКП(б) 19 октября 1928 г. // Соч. Т. 11. М., 1949; 2) К вопросу о политике ликвидации кулачества, как класса // Там же. Т. 12. М., 1949; 3) Итоги первой пятилетки. Доклад 7 января 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) // Там же. Т. 13. М., 1951; Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989; Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936. Сборник документов / Сост.: Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М., 1995; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост.: О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1995; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. Т. 1: Май 1927 — ноябрь 1929 г. М., 1999; Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999; Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. М., 2000; Т. 2: Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. М., 2000; Т. 3: Пленум ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. М., 2000; Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. М., 2000; Т. 5: Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г. М., 2000; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост.: О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001.

по проверке и чистке партии (1929–1930); Центральной комиссии ВКП(б) по чистке партии (1933–1935); Оп. 3, 4 — Положения, циркуляры, директивы, отчеты и сводки о работе ЦКК; переписка с гражданами, организациями и учреждениями (1921–1938).

Изначально на стенограмме под названием «Опрос тов. Рютина 20 сентября 1930 г.», более напоминающей допрос с пристрастием, был поставлен гриф «совершенно секретно», что лишний раз доказывает стремление руководителей Центральной контрольной комиссии ВКП(б) скрыть подлинные обстоятельства «Дела Рютина», еще несколько месяцев назад кандидата в члены Центрального комитета ВКП(б)[6]. Вопросы Мартемьяну Никитичу задавали два члена Президиума ЦКК — Е. М. Ярославский и М. Ф. Шкирятов. По тексту стенограммы можно судить, что они были осведомлены не только о единичной попытке Рютина привлечь к оппозиционной деятельности А. С. Немова, изложенной им в заявлении в ЦК.

Личность первого из них, Емельяна Михайловича Ярославского, в литературе достаточно хорошо описана, но в основном как бессменного руководителя Союза безбожников. До избрания в ЦКК в апреле 1923 г. на XII съезде он входил в состав Центрального комитета РКП(б), в течение года был секретарем ЦК партии[7]. Переизбрание на XIII съезде из состава ЦК в ЦКК, возможно, рассматривалось им, членом партии с 1898 г., как номенклатурное понижение, однако положение фактического руководителя ЦКК позволяло проявлять принципиальность и принимать по некоторым вопросам самостоятельные решения, порой с оттенками некоего партийного либерализма[8]. В одном из сохранившихся писем Ярославского к Г. К. Орджоникидзе[9] он вынужден в связи с этим, допускаемым им иногда либерализмом, оправдываться, предлагая найти ему на замену человека «пожестче»[10]. С Рютиным они были из Прибайкалья, можно сказать, земляками, имели общих знакомых по дореволюционной деятельности в Сибири. Чуть менее чем за год до опроса, в августе 1929 г., Ярославский разбирал жалобу на Рютина секретаря

[6] См.: Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): Историко-биографический справочник / Сост. Ю. В. Горячев. М.: Издательский дом «Парад», 2005. С. 356–357.

[7] Ярославский Емельян Михайлович (1878–1943) — кандидат в члены ЦК в 1919–1921 гг.; член ЦК в 1921–1923 гг. Член ЦКК, Президиума ЦКК и Секретариата ЦКК в 1923–1934 гг.

[8] В результате объединения в июне 1924 г. на XIII съезде РКП(б) Наркомата РКИ и ЦКК в единый партийно-государственный орган председателем Президиума ЦКК являлся нарком РКИ СССР.

[9] Орджоникидзе Григорий Константинович (1886–1937) — в 1926–1930 гг. председатель ЦКК — нарком РКИ СССР.

[10] Письмо Е. М. Ярославского к Г. К. Орджоникидзе от 11 августа 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 250. Л. 1.

Усть-Удинского райкома ВКП(б) Кибанова[11]. Тогда «дело» Ярославскому удалось закрыть, однако на этот раз, судя по жесткости перекрестного опроса, пощады обвиняемому ждать не приходилось.

Напарник Ярославского по опросу Рютина — Матвей Федорович Шкирятов, был моложе Емельяна Михайловича и по возрасту, и по партийному дореволюционному стажу, но не без основания считался более опытным в деле выявления явных и скрытых врагов партии, так как именно ему Политбюро ЦК РКП(б) доверило возглавлять еще в 1921–1923 гг. Центральную комиссию по проверке и чистке своих рядов[12].

О подавшем заявление Александре Семеновиче Немове известно немногое. Родился он в 1898 г., в партии с 1917 г., в 1920-х — 1930-х гг. был в Москве на руководящей советской работе, возможно, участвовал в оппозиции. В мае 1937 г. занимал должность начальника 10-го Главного управления Наркомата оборонной промышленности СССР[13]. В своем заявлении он сообщал о встречах на отдыхе в Ессентуках с Рютиным, в ходе которых тот вел антипартийные разговоры[14]. Машинописную копию письма Немова в ЦК сохранила дочь Рютина — Любовь Мартемьяновна, и передала в конце 1980-х гг. публикатору стенограммы.

В заявлении Немова перечислялись «крамольные» высказывания Рютина о том, что политика правящего ядра в ЦК партии во главе со Сталиным губительна для страны, к весне 1931 г. наступит полнейшее ее банкротство, сложится положение, когда никакой формальной оппозиции не будет, но Сталина никто не поддержит, а политика «этого шулера и фокусника» Сталина будет разоблачена. Немов утверждал, что Рютин оценивал доклад Сталина на XVI съезде как «сплошное шулерство и надувательство пролетариата». Не упоминая на съезде о забастовках из-за тяжелого материального положения рабочего класса, Сталин издевался над рабочими, когда говорил, что их реальная заработная плата повысилась, в то время как весь мир знает, что никогда не было такого тяжелого материального положения рабочих в СССР, как в последнее время[15]. Сталинская политика коллективизации провалилась, крестьяне в колхозы не шли, хлеб свой не отдавали, партии не доверяли, в стране наступил финансовый

[11] См.: *Анфертьев И. А.* «Такой ответ мог бы быть понят как нежелание отвечать Центральной контрольной комиссии...» О преследовании иркутскими партийными чиновниками «опального» кандидата в члены ЦК ВКП(б) М. Н. Рютина. 1929 г. // Исторический архив. 2010. № 2. С. 177–185.

[12] Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954) — член ЦКК в 1923–1934 гг., секретарь ЦКК в 1923–1927, 1930–1934 гг.

[13] В мае 1937 г. А. С. Немов был арестован и Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 3 ноября 1956 г. дело на А. С. Немова было прекращено за отсутствием состава преступления. 6 марта 1957 г. МГК КПСС, рассмотрев заявление жены А. С. Немова, реабилитировал его посмертно и восстановил в партии. РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 9355 (Т. 3). Л. 50.

[14] РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 9355 (Т. 3). Л. 50.

[15] Там же. Л. 27.

крах. Объяснение же властей, что мелкая разменная монета в стране отсутствует из-за распространения спекуляции, не что иное как очковтирательство. На самом деле всё это произошло из-за той же губительной сталинской политики[16]. По словам Рютина, выступления А. И. Рыкова и М. П. Томского на XVI съезде с раскаянием были напрасными, подлой была позиция Сталина в отношении Н. И. Бухарина, будто бы генеральный секретарь и его группа хотели, чтобы Бухарин «писал статьи покаявшегося грешника», но лидер правых передал сторонникам Рютина, что ни при каких обстоятельствах не напишет ни одной строчки. В таких условиях работа правых сводится к тому, чтобы всюду распространять среди рабочих мысль, что бедой и несчастьем для страны является «этот фокусник и шулер» Сталин[17]. Эту мысль следовало крепко внедрять на предприятиях и в деревне.

После того, как Сталина удастся отстранить от власти, или, как говорил в разговоре с ним, Немовым, Рютин, «смахнуть», с остальными его сторонниками будет легко справиться. Наличие в стране термидорианства является бесспорным фактом, говорил Рютин, необходимо в борьбе с генеральным секретарем объединиться с троцкистами. Расправа же с лучшими членами партии заставила всю партию молчать и «единогласно» поднимать руки. На вопрос Немова о том, кого же можно сейчас выбрать генеральным секретарем вместо Сталина, Рютин ответил, что никаких генеральных секретарей после устранения Сталина не будет. Во всяком случае его, Рютина, сторонники будут настаивать, чтобы партией управляли коллективно, ибо если будет генеральный секретарь, то нет гарантии, что не повторятся те же комбинации и фокусы, которые проводятся Сталиным. Состав Политбюро, утверждал Рютин, придется чаще менять, чтобы не засиживались, так как в основном нынешний его состав оторван от масс. Перед отъездом, сообщал в заключение Немов, Рютин оставил ему свой домашний адрес и просил обязательно поддерживать с ним связь в Москве. Причем, советовал работу по дискредитации Сталина вести только среди людей, хорошо ему известных и, учитывая ошибки прошлой оппозиции, вести эту работу с глазу на глаз. В том случае, если кто-либо провалится и выдаст его, то Немову следовало решительно отказываться от всяких обвинений. При отсутствии каких-либо свидетелей их разговоров власти не смогут предъявить им мотивированные обвинения.

Сегодня трудно сказать, что побудило Немова написать письмо в ЦК, обрекавшее Рютина на репрессии, как нельзя определить и «процент» достоверности его содержания. Возможно, Немов считал своим партийным долгом проинформировать руководство партии о зреющих оппозиционных настроениях. Не исключалось и другое — ему, ранее подозревавшемуся в связях с троцкистами, дали понять, что самого могут привлечь за недоносительство, если он со всеми подробностями не изложит, возможно, с прибавлениями, характер

[16] Там же. Л. 28.

[17] Там же. Л. 25.

своих бесед с Рютиным. Вполне вероятно, что Немов добросовестно выполнил данное ему поручение по дискредитации Рютина. Оказавшись в числе причастных к делу Рютина, он, как и многие другие ему подобные, во второй половине 1930-х гг. был обвинен в контрреволюционной деятельности, арестован и по приговору Военной коллегии в мае 1937 г. расстрелян.

В архиве Л. М. Рютиной сохранилась объяснительная записка ее отца на имя Ярославского, написанная им 21 сентября 1930 г., уже после ознакомления с письмом Немова в ЦК. В ней он заявляет, что всё изложенное на 99 процентов является ложью, всё перевернуто и извращено, к правым он никогда не принадлежал и распространением взглядов правого уклона не занимался[18]. Рютин утверждал, что говорил с Немовым на курорте о хозяйственных и политических вопросах раза три-четыре, встречались у источника и на улице или в парке. Суть всех разговоров с Немовым сводилась к тому, что он, Рютин, никогда не был связан с группой Бухарина. А теоретических взглядов Бухарина и его последователей в области исторического материализма никогда не разделял. То же самое он мог сказать и о теории организованного капитализма, о теории мирного врастания кулацких кооперативных гнезд «в социализм», а также о теории самотека. Сталина же он даже тогда, когда в 1928 г. генеральный секретарь сместил его с должности секретаря бюро Краснопресненского райкома, считал самым крупным вождем партии, способным проводить в жизнь ленинские принципы. Он тогда допустил отступления от линии партии в вопросе о темпах индустриализации и в оценке положения в деревне. Но при этом считал, что Сталин напрасно ошельмовал его и «ловким маневром вытряхнул с партийной работы»[19]. Он считал это нечестным с его стороны поступком. Вот суть этой будто бы части его разговора. Что касается общего хозяйственного положения в стране, то в разговоре с Немовым он говорил лишь о том, что этот, 1930 г. будет весьма напряженным и не более. Особенно трудное положение будет к весне 1931 г.[20], в то время как Немов превратил эти слова в предсказание краха партийной политики. От слов, что 1930 г. для страны мог оказаться весьма напряженным, он не отказывался, но в этом, утверждал Рютин, нет ничего антипартийного и правоуклонистского. Вместе с тем он отрицал, что говорил о термидоре и забастовках. Всё это вымышлено от начала и до конца, так как он не троцкист и не устряловец, чтобы говорить такую чепуху. Всё, что говорил А. С. Немов о колхозах, — также ложь.

И всё же исключение Рютина из партии можно было бы считать рядовым, примечательным лишь тем, что им занимался Президиум ЦКК[21], а постанов-

[18] РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 9355 (Т. 3). Л. 207.

[19] Там же. Л. 2.

[20] Там же. Л. 205.

[21] См.: *Анфертьев И. А.* Стенограмма заседания Президиума ЦКК ВКП(б) от 23 сентября 1930 г. Деятельность М. Н. Рютина против режима И. В. Сталина // Клио. 2004. № 4 (27). С. 33–45.

ление Президиума утверждалось Политбюро ЦК ВКП(б)[22]. Однако это не так, если рассматривать ситуацию в контексте преследований Мартемьяна Никитича до и после исключения из партии. До сентября 1930 г. он подвергался преследованиям дважды: в 1928 г. был снят с должности секретаря Краснопресненского райкома ВКП(б) и выведен из состава бюро Московского обкома ВКП(б); в 1930 г. был снят с должности заместителя ответственного редактора газеты «Красная звезда». Оба раза его делом занимался лично Сталин, с которым Рютин имел смелость вступать в дискуссии. Однако после отстранения от работы в «Красной звезде» Рютин был назначен с повышением — председателем Управления фотокинопромышленности ВСНХ СССР[23].

5 октября 1930 г., на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было рассмотрено персональное дело Рютина, а уже на следующий день в газете «Правда» было опубликовано постановление Президиума ЦКК ВКП(б), в котором говорилось: «За предательски-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов, признанных XVI съездом несовместимыми с пребыванием партии, исключить М. Рютина из рядов ВКП(б)»[24]. Под заголовком «Правых оппортунистов, предателей партии — вон из наших рядов!» в газете была опубликована редакционная статья, начинающаяся словами: «Постановлением ЦКК ВКП(б) исключен из партии Рютин. Исключенный из партии Рютин представляет собой типичный образец двурушника. Будучи секретарем Краснопресненского райкома, Рютин совместно с т. Углановым вел фракционную борьбу против ЦК. Он вместе со всей правой оппозицией пытался противопоставить партии и ЦК московскую организацию. Рютин вместе с т.т. Углановым и Бухариным обвинял партию в скатывании к троцкизму. Рютин вместе со всеми правыми боролся против политики индустриализации, против строительства колхозов и совхозов. Они объявляли троцкизмом организуемое партией социалистическое наступление на кулачество». Далее говорилось о том, что ленинская московская организация сняла свое бывшее правооппортунистическое руководство, обвиненное партией в правых взглядах. Некоторые товарищи, защищавшие эти взгляды, под влиянием партийной критики якобы искренне отказались от них и активно стали участвовать в социалистическом строительстве. Рютин же, как оказалось потом, не принадлежал к их числу. Несколько лет пребывания его в большевистской партии не сделали этого бывшего меньшевика большевиком.

[22] Протокол Политбюро ЦК ВКП(б) № 11 от 5 октября 1930 г. п. 29: О Рютине (постановление Президиума ЦКК от 23–9–1930, протокол № 8, п. 2; Ярославский). Решено: «За предательски-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов, признанных XVI съездом несовместимыми с пребыванием в партии, исключить Рютина из рядов ВКП(б). Настоящее постановление опубликовать в печати». (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 799. Л. 7).

[23] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 823. Л. 51, 90.

[24] Правда. 1930. 6 октября.

Но с открытой проповедью правооппортунистических взглядов стало трудно появляться в партийных организациях. Поэтому Рютин, как и некоторые другие правые, еще в октябре 1928 г. начал маневрировать. Признав на октябрьском пленуме МК в 1928 г. свои ошибки, он остался по-прежнему правым оппортунистом.

Эпиграфом этой статьи в «Правде» были слова Сталина: «Невозможно развернуть настоящую борьбу с классовыми врагами, имея в тылу их отражение»[25]. Недвусмысленно давалось понять членам партии, что время дискуссий и разговоров осталось в прошлом, наступила пора решительного искоренения инакомыслия, в какой бы форме оно ни выражалось. О том, что первый удар будет нанесен по членам партии, ранее предлагавшим внести коррективы в партийную линию, можно было судить по призыву, который предварял сталинский эпиграф: «Разоблачим до конца кулацких агентов, союзников контрреволюционного троцкизма — правых оппортунистов»[26].

Рютин, отстраненный от партийной работы за примиренческое отношение к правому уклону, так ни разу и не проявил себя на деле как правый оппортунист. В связи с этим, уточнялось в статье, Рютин после поражения правых «голосовал, выступал и писал в защиту генеральной линии. Но это была одна сторона деятельности Рютина. Была еще другая работа, скрытая от партии. Тут был и действовал истинный Рютин, правый оппортунист и предатель партии». Да, утверждал автор статьи, Рютин предавал партию. «За спиной партии, пользуясь ее доверием, он пытался использовать трудности социалистического строительства для разложения партийцев. Он катился всё ниже со ступеньки на ступеньку. Рютин не только, как в свое время сменовеховцы, как это делают теперь многие правые, выжидал, что партия откажется от политики развернутого социалистического наступления, но он пытался вести подпольную работу против ЦК, как подлинный кулацкий агент».

Однако не все в партии приняли эти обвинения «за чистую монету». В частности, в день публикации статьи в «Правде» на собрании ячейки ВКП(б) Союзкино оценка поведения Рютина не была однозначно негативной. Сведения об этом сохранились в протоколе заседания партколлегии ЦКК от 18 ноября 1930 г., в результате чего было принято решено «просить ЦК ВКП(б) обсудить вопрос о положении в Союзкино»[27].

В ноябре 1930 г. в райкомы, горкомы и партячейки Московской партийной организации было направлено закрытое письмо Московского обкома ВКП(б) за подписью Л. М. Кагановича, в котором предписывалось зачитать его на закрытых заседаниях, разработать план мероприятий и в месячный срок доложить практические предложения[28]. В документе обстоятельно анализировалось

[25] Правда. 1930. 6 октября.

[26] Там же.

[27] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 186. Л. 52.

[28] Там же. Ф. 17. Оп. 86. Д. 97. Л. 2, 3.

положение в московских парторганизациях, давались оценки как внутреннему положению страны, так и внешнеполитическим событиям. О причинах исключения М. Н. Рютина из партии подробно говорилось в разделе «Вопросы внутрипартийной жизни». Однако в предыдущем разделе — «Обострение классовой борьбы и раскрытие контрреволюционных организаций» — видимо, совсем не случайно утверждалось, что социалистическое строительство «происходило и происходит в обстановке ожесточеннейшей классовой борьбы»[29]. В связи с этим за минувшие после XVI съезда ВКП(б) месяцы в соответствии с директивой Московского обкома партии была проведена массовая операция по «изъятию из деревни контрреволюционного кулацкого, антисоветского актива»[30]. Репрессиям подверглись около тысячи человек — бывших помещиков, полицейских и жандармов, торговцев, священников, в том числе около 150 эсеров. В ряде районов, отмечается в документе, были ликвидированы «кулацкие, повстанческие, эсеровские и террористические группировки, занимавшиеся терактами, поджогами, отравлением скота, распространением слухов о войне»[31]. Об обострении классовой борьбы, утверждалось далее, свидетельствовали и планы интервенции, которые вынашивали руководители так называемой Промпартии. Этому, с их точки зрения, благоприятствовала борьба троцкистов и правых уклонистов против руководства партии, поскольку налицо имелось идейное родство между платформами Промпартии, Трудовой крестьянской партии и платформой правого уклона. Таким образом, утверждалось в закрытом письме, контрреволюционеры идейно сомкнулись с правыми уклонистами и старались использовать их лидеров в своих целях, помогали им одержать победу внутри ВКП(б), «не гнушались и террором, создали террористическую группу, готовившую теракты в дни работы XVI съезда против Сталина, Ворошилова, Куйбышева, Молотова, а также против тт. Менжинского, Ягоды и др.»[32].

В следующем разделе «Вопросы внутрипартийной жизни» отмечалось, что «партия разгромила правый уклон как кулацкую агентуру в партии, причем XVI съезд признал взгляды правой оппозиции несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б)»[33]. Но правые уклонисты, отмечалось в документе, продолжили атаку на ЦК и ведут ее «подпольно, предательски, обманывая партию, двурушничая, прикрываясь формальным согласием с генеральной линией, наиболее ярко это подтверждается фракционной предательской работой видного правого уклониста, ближайшего соратника Бухарина и Угланова, бывшего секретаря Краснопресненского райкома — Рютина... Рютинские оценки политики партии и положения в стране ничем не отличались

[29] Там же. Л. 9.

[30] Там же.

[31] Там же.

[32] Там же.

[33] Там же.

от оценок меньшевистско-белогвардейской эмиграции»[34]. Далее, Рютину вменялось в вину намерение «свергнуть руководство партии, возглавляемое т. Сталиным»[35].

Ошельмованный публично в печати и не менее публично перед своими теперь уже бывшими товарищами по партии в закрытом письме Московского обкома, Рютин был арестован в ноябре 1930 г. Основанием для ареста стали агентурно-оперативные сведения. Вместе с тем разведывательные службы белоэмигрантских организаций доносили в свои центры, что Рютина арестовали за его связи с группой председателя Совнаркома РСФСР С. И. Сырцова[36]. Его сторонники выступали против методов индустриализации страны, которые проводились Сталиным. Однако на допросах в ОГПУ Рютин отрицал предъявленные ему обвинения. Менжинский вынужден был обратиться к Сталину с просьбой уточнить его дальнейшую судьбу, ссылаясь на то, что Рютин «изображает из себя невинно обиженного»[37]. Сталин на записке Менжинского приписал: «Нужно, по-моему, отпустить»[38]. 17 января 1931 г. Рютин был освобожден из тюрьмы с твердым намерением продолжить борьбу с человеком, который, по его твердому убеждению, вел страну и партию к неминуемой гибели.

Таким образом, подводя итоги изложенного документального материала, объективный исследователь обязан признать Сталина политиком, умеющим искусно лавировать в борьбе за власть, находить союзников, разыгрывать многоходовые операции, выжидать момент для атаки, отступать, когда того требуют обстоятельства, разыгрывать незаслуженно обиженного, а порой и оскорбленного недоверием руководителя. Некоторые историки полагают, и не без оснований, что культ личности Сталина начал формироваться в начале 1930-х гг., но в действительности стремление к собственному возвышению и впоследствии к обожествлению можно обнаружить на десятилетие раньше. Но в те годы не всем это бросалось в глаза, многие партийцы-руководители списывали эти достаточно тревожные симптомы на неизбежные издержки обострившейся после смерти Ленина борьбы за власть. Однако после разгрома левой, троцкистско-зиновьевской оппозиции и так называемых правых во главе с Бухариным культ личности Сталина приобрел наиболее зримые очертания. Это не могло не вызвать протесты в партийной среде, особенно среди тех партийных работников, кто находился в достаточной близости от генсека, чтобы трезво судить о его намерениях. В итоге Сталина можно назвать политическим прагматиком, который в интересах своих политических выгод способствовал распространению мифов о собственной прозорливости и гениальности в борь-

[34] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 97. Л. 11, 12.

[35] Там же. Л. 11.

[36] *Старков Б. А.* Дело Рютина // Они не молчали / Сост. А. В. Афанасьев. М.: Политиздат, 1991. С. 158.

[37] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5282. Л. 1.

[38] Там же.

бе с противниками Советской власти, которых он к тому же сам и назначал. Большинство из тех, кто оказывался по его воле разменными фигурами в политических играх, опускали руки, пасовали, отказываясь от продолжения борьбы. М. Н. Рютин оказался одним из немногих, кого не устроила предназначенная ему роль жертвы, кто не спасовал перед всесильным диктатором, а решил продолжить борьбу, но уже не в одиночку, а попытавшись создать подпольную организацию внутри ВКП(б).

Опрос М. Н. Рютина 20 сентября 1930 г.

Сов[ершенно] Секретно

ОПРОС тов. РЮТИНА 20 сентября 1930 г.

Присутствуют т.т. Ярославский, Шкирятов; Рютин.

ЯРОСЛАВСКИЙ. *Зачитывает письмо тов. Немова.*
Что вы скажете по этому поводу?
РЮТИН. Я, тов. Ярославский, считаю это безобразием от начала до конца.
ШКИРЯТОВ. Что он — врет?
РЮТИН. Лжет! На 99 % лжет!
ШКИРЯТОВ. Как же он выдумал всё?
РЮТИН. Да я вам расскажу относительно наших бесед.
ЯРОСЛАВСКИЙ. Это было 8–10 раз.
РЮТИН. Это чепуха, конечно. Мы встречались раз или два. Один раз он ко мне приходил, потом встречались на водопое[39]. А 8–10 раз — это преувеличение. Он спрашивал, естественно, меня, какие мои взгляды. Я заявил, что с правыми я никогда не был целиком согласен, даже тогда, когда меня снимали[40]. Во-первых, по общетеоретическим вопросам, общетеоретической философской концепции Бухарина я был всегда решительным [ее] противником, я никогда не был механистом. В отношении теории организованного капитализма — я ни на одну минуту не разделял таких теорий.

Наконец, насчет мирного врастания кулака, никогда я этого не разделял. Даже когда меня снимали [с партийной работы] я заявлял, что у меня были расхождения с партией по двум вопросам, относительно темпов индустриализации и политики партии в деревне. В отношении темпов, конечно, я был сторонником того, что мы должны придерживаться быстрых темпов, но когда я выступил против Сталина на бюро райкома, о чем ЦК и ЦКК было известно...

ШКИРЯТОВ. Вы, товарищ, скажите нам, о чем вы с Немовым говорили?

[39] Вероятно, у санаторного источника.

[40] М. Н. Рютин имеет в виду 1928 г., когда его по инициативе И. В. Сталина сняли с должности секретаря Краснопресненского райкома ВКП(б).

РЮТИН. Я всё расскажу подробно. Я говорил, что никогда не сходился с Бухариным, Томским и Рыковым в отношении международного положения. В этом отношении у меня никогда не было расхождений с партией. Оппортунистические элементы — я считаю, что процесс очищения должен идти дальше, что специфические условия развития капитализма привели к этому, хотя дело большевизации за последнее время продвинулось вперед. Я говорил, что в отдельных вопросах есть расхождения, я не скрываю, например, относительно районирования. Когда на Политбюро как-то мы встретились, и тов. Сталин с группой товарищей говорили относительно районирования, я сказал, я лично стою на той точке зрения, что целесообразнее было бы ликвидировать областные центры, а не окружные центры. В этом отношении и сейчас у меня есть [сомнения]. В отношении меня лично — даже когда меня снимали, — меня смешали с правыми, ошельмовали, и выступление тов. Сталина против меня на Оргбюро я считаю неправильным, недобросовестным, пришили меня к этой компании.

ШКИРЯТОВ. Это вы с Немовым говорили?

РЮТИН. Да. Потом я говорил о таких вещах, как относительно контрактации. Туда приехал тов. Муралов, который объезжал колхозы и индивидуальные хозяйства. Он приезжал и говорил, что с началом контрактации начали опять вырезывать скот. Я говорю — безобразие это, надо принять меры, чтобы это прекратить.

Когда он говорит, что я связывал себя с Рыковым, что мы правые — это безобразие, дальше которого пойти нельзя.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Я допускаю, что когда человек пишет, он может кое-что забыть или может сообщить не точно, но тут говорится о целом ряде вопросов, он говорит, что вы давали такую оценку, что политика партии во главе со Сталиным губительна и т. д. (*читает*).

РЮТИН. Я заявляю, что все это ложь от начала до конца. Причем теперь у меня возникает мысль, чем объясняется этот документ. Я могу сказать, [что] когда мы боролись с троцкистской оппозицией, он сочувствовал троцкизму. Это может подтвердить и теперешний секретарь Галкин и работники К[онтрольной] к[омиссии]. Он у нас был на подозрении. Я его вызывал и лупил.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Какое это отношение имеет?

РЮТИН. Вот, например, в отношении районирования я высказывался, в отношении этой компании [против правых мы] говорили, что пришили меня. Но то, что я говорил, того он не написал, а написал то, чего я не говорил.

ЯРОСЛАВСКИЙ. А вот, например, относительно доклада Сталина на съезде (*читает*). Такие конкретные вещи.

РЮТИН. Неверно. Я вам расскажу, каким образом это было. Я заявляю, я считаю, что доклад Сталина в основном совершенно правилен, но некоторых вопросов, я считаю, он не коснулся. Но сказать, что это шулерство [со стороны Немова], так передергивать...

ЯРОСЛАВСКИЙ. Вы говорили, что он в докладе не коснулся вопроса о забастовках.

РЮТИН. Я не могу сказать, потому что о забастовках сам ничего не знал.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Такого разговора не было?

РЮТИН. Не было.

ЯРОСЛАВСКИЙ. И о зарплате ничего не говорили?

РЮТИН. И о зарплате ничего не говорил.

ЯРОСЛАВСКИЙ. А о том, что политика партии с колхозами провалилась?

РЮТИН. В отношении колхозов я опять говорю, у меня были сомнения, и сейчас я не скрываю. То же и относительно районирования.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Тут вопрос не о колхозах, а тут прямо говорится: «Политика в отношении колхозов явно провалилась».

РЮТИН. Он меня спросил, как ты смотришь на колхозы. Я сказал, я считаю политику безусловно правильной, но перегибы, которые были в этом отношении, причинили нам много беды. Относительно ЦК я не говорил. Как я мог говорить, когда мы имеем в колхозах 30–40 % [крестьян]?

ЯРОСЛАВСКИЙ. Насчет финансового краха, что отсутствие мелкой разменной монеты [надо] объяснять спекуляцией — это очковтирательство.

РЮТИН. Он надергал это всё, что сам говорил. Он сам говорил, что объяснять одной спекуляцией это — нельзя. Я сказал — не могу этого объяснить, потому что я не в курсе дела. Мы спорили с Гончаровым, который там был. Гончаров говорил: «По-моему, напрасно ЦК придерживается таких мероприятий, нужно выпустить какие-нибудь боны». А я сказал, наоборот, политика ЦК правильна, потому что если выпускать боны, то это может осложнить положение в дальнейшем, и ЦК, когда он не идет по линии наименьшего сопротивления, прав. Так я говорил с Гончаровым и с Немовым, но говорил, что перегнули палку в отношении выпуска бумажных денег. Но нельзя же, в конце концов, когда говоришь с членом партии, в совершенно лояльных формах, думать, что он что-то выдумает, передернет, тут пропустит, там вставит словечко, и получится такая вещь.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Это чепуха, думать, что члены партии, встречаясь, не будут говорить о политике партии даже во время отдыха...

РЮТИН. Причем я больше всего говорил о теоретических вопросах. Я прочел теорию прибавочной стоимости Маркса и Гегеля.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Тут вопрос не о Гегеле. Тут у нас документ, который говорит о том, что товарищ, который был в ЦК партии, ведет такую работу, которую нельзя характеризовать иначе, как двурушничество.

РЮТИН. Конечно, если бы это было так.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Говорить, что я голосую за линию партии и стараюсь показать себя сторонником линии партии, а ведет такую подготовку, которая говорит, что мы ведем гибельную политику, что неизбежен кризис, и что большинство поймет неизбежно эту гибель.

ШКИРЯТОВ. Немов пришел, можно его позвать и сказать, что т. Рютин всё отрицает.

РЮТИН. На 99 %.

ШКИРЯТОВ. О Сталине говорили?

РЮТИН. Я сказал, я считаю, что когда он выступил и сказал, что я примиренец, он меня ошельмовал. Тут все ложь на 99%.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Тогда давайте вызовем Немова.

В присутствии тов. НЕМОВА.

РЮТИН. Так-то, значит, брат. Здорово ты подтасовал.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Тов. Рютин говорит, что на 99% это неправда.

НЕМОВ. Я не сомневался, что Рютин будет отрицать, потому что Рютин дал такую установку, чтобы вести эти разговоры с глазу на глаз, без свидетелей.

РЮТИН. Безобразие.

НЕМОВ. Чего там, Рютин, ты лучше говори по-большевистски, прямо.

РЮТИН. Не втирай очки. Я знаю, когда ты был с троцкистами.

НЕМОВ. Я полагаю, что будет целый ряд товарищей, которые это подтвердят. В конце концов, это выяснится. Рютин подходил к этому осторожно, постепенно, вводил меня в курс вопросов, о которых я писал.

РЮТИН. Где это было?

НЕМОВ. В Ессентуках, раз 8 или 10.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Тов. Рютин говорит, что 2–3 раза.

НЕМОВ. Когда я был у Гончарова...

РЮТИН. Ты сам пришел ко мне.

НЕМОВ. Я принес [фото]карточки Гончарову, я его снимал, и принес карточки. Зашел Рютин, потом говорит, пойдем вниз, он взял меня под руку, пошли вниз. Это была вторая наша беседа. Тут ты говорил уже более подробно. Третий раз, когда мы воду пили, четвертый раз, когда мы ходили к одному парню, который жил в санаторий Калинина.

ШКИРЯТОВ. Герасимович.

НЕМОВ. Пятый раз, когда мы встретились в парке, ты шел с кружкой оттуда, а я туда. Говорили о тех же вещах. Я, конечно, не записывал.

ШКИРЯТОВ. Оказывается, встречались не 2–3 раза.

РЮТИН. Встречались больше, но говорили не каждый раз.

НЕМОВ. Еще говорили около санатория.

РЮТИН. И ты каждый раз пытался меня прощупывать.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Дело не в том, кто кого прощупывал, а что имела место такая работа.

ШКИРЯТОВ. Что он говорил о Сталине?

НЕМОВ. Фокусник, шулер, комбинатор, который доведет страну до гибели, самое позднее это будет весной. Сначала говорил, что осенью, а потом, когда приехал из Кисловодска, говорил, что весной, и что наша установка, что нужно его смахнуть, а когда мы его смахнем, тогда мы справимся.

Дальше, во что бы то ни стало нужно вести и среди рабочих, и в деревне такую линию, что вся беда, нищета, всё это вследствие политики Сталина. Он глава. Он во всем виноват.

Скажи, Рютин, говорил ты, сколько у меня хозяйственников знакомых, и кто является надежным.

РЮТИН. Лжешь!

НЕМОВ. И что нужно подготовлять людей на предприятиях, чтобы в нужный момент ударить, и чтобы заключить блок с троцкистами.

РЮТИН. Ты сам был троцкистом.

НЕМОВ. Что наша установка в отношении экономики безусловно правильна, а их[41] установка была губительной, потому что Сталин ее проводит и проваливается. Но в отношении внутрипартийной демократии они безусловно были правы, и на этой основе можно с ними договориться.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Насчет термидорианства.

НЕМОВ. Почему нужно быть острожными? Потому что лучших товарищей ссылают, исключают, одно слово и кончено. Факты термидорианства у нас налицо. Как же иначе такую расправу расценивать?

ШКИРЯТОВ. Насчет Максимова.

НЕМОВ. Он говорит, я поеду туда, Максимов пользуется большой популярностью среди московских рабочих, с ним нужно поговорить. Но потом, когда приехал, сказал, что нужно быть очень осторожным, потому что ребята ругаются.

РЮТИН. А Максимову я ничего не говорил. Я спросил его только в отношении Велостроя.

ШКИРЯТОВ. А о трудностях наших говорили?

РЮТИН. Ничего не говорил. Так как я до настоящего времени нахожусь под подозрением, то я так и знал, что люди будут подтасовывать факты.

ШКИРЯТОВ. Вы говорили с Максимовым, что у нас адски трудное положение в стране и т. д., а Максимов говорит, почему и вы мне всё время задаете такие вопросы относительно трудности положения.

РЮТИН. Видите, товарищи, если так дело стоит, то я просто вынужден буду отказаться от показаний.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Ни один член партии не имеет права отказываться от показаний. Если ты считаешь себя членом партии...

РЮТИН. Считаю.

ЯРОСЛАВСКИЙ. ...если ты думаешь, что тебя шантажируют, ты обязан говорить.

РЮТИН. Например, относительно термидора. Когда я глубоко верю в силу пролетарской революции, говорить относительно перерождения нашей партии — это черт знает что такое. Говорил я, что я за медленные темпы индустриализации?

НЕМОВ. То, чего ты не говорил, того я и не пишу. Я пишу то, что ты говорил. Ты меня не экзаменуй, а скажи прямо — говорил ты, что если засыпешься, то надо вести [в этом случае дело] прямо на отказ.

РЮТИН. Лжешь, лжешь, мерзавец, лжец!!!

[41] Речь идет о Л. Д. Троцком и его последователях.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Нельзя этого допускать, тогда он тоже имеет право назвать вас мерзавцем. Если я допущу такую вещь в отношении к нему, я должен буду допустить, что и он вас будет называть мерзавцем, а потом вы будете бить друг друга по физиономии. Это не разговор в партийном учреждении.

РЮТИН. Говорил ли я, что я никогда не сходился с Рыковым и Бухариным, даже когда меня снимали.

НЕМОВ. Нет. Вот это ты действительно врешь. Говорил, что напрасно выступали Томский и Рыков на съезде[42], потому что их всё равно бы выбрали. Это ты говорил у себя на даче. Ты говорил: «Бухарин нам передал, что он ни слова об этом больше писать не будет».

РЮТИН. «Нам» — это значит фракции?

ЯРОСЛАВСКИЙ. Ну для нас ведь не секрет, что правая фракция существовала.

РЮТИН. Я заявляю, что я в течение двух лет не виделся с Бухариным.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Я тоже давно с ним не виделся, но вчера я получил один документ, который доказывает, что он не может встать на правильный путь.

ШКИРЯТОВ. Когда я задал вопрос Максимову, спрашивал ли он о внутрипартийном положении, он сказал, что нет, он всё время меня выспрашивал. Я сказал, что Рютин с вами говорил. Он говорил: «Приехал в первый раз, увидела его одна женщина, говорит: Рютин приехал. Мы повидались с Рютиным, потом пошли, Рютин стал заговаривать относительно философских вопросов, а кроме того стал спрашивать, где он работает. Максимов рассказал, что он работает в Индустрое, потом вы стали говорить, что наше положение весьма тяжелое, а Максимов сказал: конечно, отдельные трудности есть, но мы строим, растем и т. д. Потом, он говорит, разговор перешел на другие темы». После этого, когда приехал Максимов к вам, опять Рютин переходит к этому вопросу. Был тогда и Немов.

НЕМОВ. И женщина, которая работала в Совкино, управделами, что ли.

ШКИРЯТОВ. Он говорит: «Рютин стал опять сводить разговор на то, что внутреннее положение трудное, а я сказал, какого черта ты всё время об этом мне вопросы задаешь».

РЮТИН. Когда я приезжал в Ессентуки, мы говорили по хозяйственным вопросам, а по общим вопросам не говорили совершенно. Мы говорили по хозяйственным вопросам, когда встречались где-то на дорожке в Кисловодске в парке. Встретились и заговорили, причем он сказал: «Как дела». Я говорю, трудно работать, общее хозяйственное положение тяжелое, а как у тебя. Он говорит: «Трудно работать, очень тяжело». Потом я сказал, какое положение в кино, что не обращают внимания, считают, что там одни артисты и т. д. Я не знаю, но не исключено, что я начал говорить, а может быть, он спросил, как работа, какое у вас положение в Фотообъединении. Я рассказал — какие трудности. Но чтобы я обязательно начал...

[42] Имеется в виду XVI съезд ВКП(б), прошедший в июле 1930 г.

ШКИРЯТОВ. Дело не в том, чтобы вы всё время говорили, что у вас всё хорошо. Важно, в какой перспективе идет это обсуждение. Вот, например, Немов, член партии с 1917 г., он написал этот разговор по поводу вашего отношения к тов. Сталину, по поводу разменной монеты, по поводу трудностей, по поводу выступления Сталина на съезде, что он не говорил о забастовках в стране. Что Каганович предлагал вам выступить на съезде. Об этом вы говорили?

РЮТИН. Говорил. Я сказал, меня до сих пор подозревают, что я имею отношение к группе Бухарина. Между прочим, подошел Каганович и говорит, что мы выставляем вашу кандидатуру в ЦК. Я удивился, я этого не ожидал в связи с грубейшими ошибками, которые мною были допущены[43]. Тов. Каганович предлагает мне выступить. Было такое положение: я уже записался по хозяйственным вопросам, я хотел говорить по вопросам кино, но так как мне [в прениях слово] не досталось, то я договорился с Кагановичем, что я напишу статью. Статью я написал.

ШКИРЯТОВ. Это вы говорили с Немовым?

РЮТИН. Да. Показал эту статью Сутырину, но он сказал, что теперь следовало бы написать несколько иначе, чем она написана, съезд кончился, надо было уезжать в отпуск, я говорил с Кагановичем, он сказал: «Приедете после отпуска и напишете».

ШКИРЯТОВ. А о Сталине и проработке вы ничего не говорили?

РЮТИН. Я связывал это с его выступлением [на XVI съезде], но относительно общего руководства ничего не говорил, когда приехал Козлов, я говорил, что снимают людей, но я считаю, что Сталин выше и крупнее всех [оппозиционных деятелей в партии] и никогда не сделает ошибок, которые делают они.

ШКИРЯТОВ. Речь не о том, что вы говорили с Козловым, а что вы говорили с Немовым.

НЕМОВ. Относительно разговора с Кагановичем он действительно говорил о статье, чуть ли не в столовой с ним встретились, — «когда Каганович сказал, что он выставляет мою кандидату [в члены ЦК], я понял, что он хочет, но так как я в корне не согласен [с проводимой линией партии], то я сказал, что может быть лучше написать статью, но потом уехал в отпуск и так и увернулся от этого дела».

ЯРОСЛАВСКИЙ. Вы спорили с Рютиным или не возражали?

НЕМОВ. Целый ряд вопросов мне не был ясен, когда он говорил, что Сталина нужно убрать, установить другое коллегиальное руководство, я сказал — вообрази, у нас нет более авторитетного человека, завтра Сталин уйдет, кого надо выбрать генеральным секретарем? Он говорит: «Вообще не должно быть генерального секретаря, должно быть коллективное руководство, иначе нет гарантии, что опять не будет таких фокусов и комбинаций, которые сейчас устраивает Сталин и что опять не начнется положение, которое мы имеем сейчас».

[43] Имеется в виду публикация М. Н. Рютиным написанной им передовой статьи «Ликвидация кулачества, как класса» в газете «Красная звезда» от 16 января 1930 г. и статьи-опровержения И. В. Сталина «К вопросу ликвидации кулачества, как класса» в «Красной звезде» от 21 января 1930 г.

РЮТИН. Наоборот, ты пытался подъезжать ко мне еще в ВСНХ. Он пытался выяснить мою позицию, спрашивал, какая моя точка зрения сейчас. Я сказал, никогда я с Бухариным, Томским, Рыковым не был целиком согласен, даже когда меня снимали. У меня было две коренных ошибки, я был противником темпов, которые были взяты, т. е. я стоял за быстрые темпы, но говорил, что они должны быть проверены на практике. Вторая ошибка в отношении политического положения деревни. В дальнейшем, в декабре и январе, я уже голосовал вместе [с другими членами партии одинаково].

ШКИРЯТОВ. Чем же вы объясните, что Немов всё так неверно говорит?

РЮТИН. Я Ярославскому уже сказал, [что] мы с Немовым дрались во время троцкистской оппозиции.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Он и со мною дрался, тогда должен и ко всем нам иметь недоверие.

ШКИРЯТОВ. А в чем выразилась эта драка?

РЮТИН. Он в скрытой форме оказывал содействие троцкистам. Он был тогда директором Лаборснабжения и [мы] его вызывали [в райком партии] и нажимали.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Сняли вы его с работы, исключили из партии?

НЕМОВ. Вынесли ли мне вообще какое-нибудь наказание?

РЮТИН. Вы в скрытой форме оказывали содействие троцкистам и боролись с нами.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Что же вы сделали, исключили из партии, сняли с работы?

РЮТИН. Оппозиция была разбита, и тов. Немов незаметно отошел.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Если он отошел от оппозиции, то почему же он должен сейчас быть против вас?

РЮТИН. Я вызывал его и говорил, что вы не двурушничайте и т. д. Он тогда такими фокусами занимался. Приходил секретарь ячейки, мне сказал, что надо его вызвать, что Немов ведет [оппозиционную] работу, связан с троцкистами.

НЕМОВ. Будучи секретарем райкома, вы, зная, что председатель треста ведет троцкистскую работу, хотя бы в скрытой форме, он должен был вызвать меня и довести до сведения, но я заявляю, что никогда меня Рютин не вызывал, никогда я с Рютиным не дрался и вообще ни с кем из районного комитета партии не дрался, и друг против друга мы не выступали. Никто меня не вызывал и не говорил. Это абсолютная ложь.

РЮТИН. Галкин может подтвердить.

НЕМОВ. Ни Рютин, ни Галкин меня не вызывали и со мной не говорили. Я не знаю, почему он хочет мне приписать троцкизм, [наверное], чтобы оправдать свою работу. Никогда со мной никто не говорил, никогда не вызывал.

РЮТИН. Галкин может подтвердить, что он вел скрытую троцкистскую работу, и во-вторых, что я с ним говорил по этому вопросу.

ШКИРЯТОВ. Галкин при этом был?

РЮТИН. Галкину я во всяком случае говорил.

НЕМОВ. А может быть, вспомнишь, когда ты меня вызывал. Когда это было?

РЮТИН. У меня столько народу было.

НЕМОВ. Ну, зимою, летом.

РЮТИН. В октябре, в декабре[44].

НЕМОВ. Октябрь, ноябрь, декабрь я был за границей и приехал в феврале. Я уехал во время октябрьских торжеств. Я вернулся в феврале 1928 года. Как он мог меня вызывать во время борьбы.

РЮТИН. Это могут подтвердить свидетели.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Это отводит нас в строну, потому что, даже если допустить, что Немов был троцкистом, и вы его вызывали, то я не понимаю, какое это имеет отношение к делу. Я тоже боролся против троцкистов не меньше Рютина, почему же Немов избрал Рютина и пишет о нем то, чего не было.

РЮТИН. Мне непосредственно приходилось с Немовым сталкиваться. Ваше положение совсем другое.

НЕМОВ. Если считать, что Немов имеет что-нибудь против Рютина, то [вот] еще факт. Когда нашу фабрику Рухимовича обследовала главная инспекция ВСНХ, и встал вопрос о том, чтобы меня снять, Рютин выступил и заявил, [что] Немова во что бы то ни стало нужно оставить. Это было в феврале месяце [1927 г.] в разгар борьбы с троцкистами. Не было никаких столкновений. Почему же это так.

ШКИРЯТОВ. Совершенно непонятно, почему же Немов выбрал Рютина. Вы говорите, что он был скрытым троцкистом, и что была борьба, а оказывается, нет никакого постановления против Немова, наоборот, вы выступали в его защиту. Но в районном комитете были и другие лица, которые боролись с троцкистами, почему же он обязательно на вас напал. И тут же вы говорите: всё, что написано Немовым, всё это ложь. Не могу поверить, что вы не говорили с ним, что вы не говорили о разменной монете, о выступлении Сталина...

РЮТИН. Я говорил, но всё это извращено. По пунктам могу сказать, что я говорил и чего не говорил. Относительно разменной монеты говорил я следующее: затруднения в Москве и в провинции с разменной монетой — очевидно, кроме вредительских элементов, выпущено излишнее количество денег. Но делать из этого заключение, что у нас финансовая катастрофа — это, конечно, чепуха.

Дальше, вы говорите, почему Немов так поступает. Я сам удивлен, но я был не рядовым работником, я был руководителем райкома, борьба велась в обостренных формах. Насколько мне помнится, я защищал и многих других. Когда я вижу, что человек отходит как политический руководитель, я должен был отвлечь человека от пути, на который он встал.

НЕМОВ. Когда говорили относительно денег, помнит ли тов. Рютин, что он говорил о статье Брюханова, что всякий грамотный член партии поймет, что это очковтирательство относительно мелкой разменной монеты. Я, по совести сказать, этой статьи не читал. Он говорит: «смешно, только люди, выжившие из ума, или этот идиот, как он выразился, Брюханов, могут сводить всё это

[44] Видимо, речь идет борьбе с оппозицией осенью 1927 г.

к спекуляции». «Это вызвано общим экономическим положением. Если расстреляют одного-двоих, разве можно этим изжить затруднения. Это чепуха».

РЮТИН. Я считал, что статья Брюханова не исчерпывающая, что выдвигать только этот [аргумент], может, неправильно. Но никоим образом я не связывал этого с политикой партии. В «Правде» много статей, которые я критиковал, но я сомневаюсь, отражает ли эта статья линию редакции «Правды».

ЯРОСЛАВСКИЙ. Тов. Рютин, вы понимаете, что речь идет о серьезных вещах, речь идет о том, может ли партия допустить такие вещи, вопрос идет о пребывании в партии. Когда член партии говорит о смене руководства, о дискредитации его[45] и т. д.

РЮТИН. Бесспорно.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Я прошу вас вспомнить, как всё это было и изложить.

РЮТИН. Тогда вы дайте мне этот документ, и я постараюсь изложить.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Мы его не перепечатывали и не давали никому, этот напечатал Немов лично.

РЮТИН. Я по каждому пункту отвечу.

НЕМОВ. В отношении оценки Сталина как ты говорил, в отношении руководства.

РЮТИН. Скажу, скажу.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Сначала 99 % было неправды, 2 раза только разговаривали и обо всем этом не разговаривали. А теперь выходит, что по всем вопросам разговаривали, из разговоров выясняется, что не 99 % неправды, а многое подтверждается.

РЮТИН. То, о чем он писал, я об этом не разговаривал и не мог разговаривать с членами партии. Всё можно так извратить, что получится такая картина, передернут одно, выкинут другое.

НЕМОВ. Ну, Рютин, неужели я мог выдумать от начала до конца.

РЮТИН. Ты извратил на 99 %.

НЕМОВ. Я должен со всей ответственностью заявить, я пришел к убеждению, что по всему, что Рютин говорил, это самый завзятый реакционер, я даже должен так сказать: я прочел эту книжку показаний, — тебя можно поставить рядом с Кондратьевым, а по некоторым вопросам даже хуже.

РЮТИН. Такими вещами не занимайся! Клеветник! Кондратьев стоит на точке зрения термидора, а [я] глубоко верю в силу пролетарской революции, я не допускаю мысли о перерождении партии, я тебе не мог этого говорить, и кто меня знает продолжительное время, тот этому не поверит никогда. Я не только на точке зрения Кондратьева, но и на точке зрения Теодоровича не мог стоять, если это проверено по линии К[онтрольной] к[омиссии].

ЯРОСЛАВСКИЙ. К[онтрольная] к[омиссия] ничего этого не проверяла.

РЮТИН. Ни [то], что мы рано совершили социалистическую революцию и что мы погибаем, — этого я не мог говорить никогда. А относительно Рыкова я никогда не был целиком согласен, несмотря на то что мною были допущены ошибки. Тут уже прямая попытка фракционной связи.

[45] Имеется в виду дискредитации И. В. Сталина.

НЕМОВ. Ты говорил, мы считаем, что выступления Троцкого[46] и Рыкова ошибочны, не надо было им выступать, всё равно их бы [в состав ЦК] выбрали. Выступление [на съезде] с раскаянием это ошибка.

РЮТИН. Как я мог это говорить, когда я ничего общего с ними не имел?

НЕМОВ. А как ты мог сказать?

РЮТИН. Их выступление расценивалось мною как неискреннее. Официальная оценка такая. У меня примерно такие же настроения были как у Андреева. Сначала я считал, что выступление Томского является искренним, но будущее покажет, как он будет вести себя.

НЕМОВ. Ловкий ты!!!

ЯРОСЛАВСКИЙ. Я предлагаю тов. Рютину изложить более точно. Он просит дать ему на руки заявление тов. Немова.

ШКИРЯТОВ. Зачем его распространять.

РЮТИН. Тогда я могу так [более точно] написать.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Я говорил, что сначала выходило, что тут на 99 % наврано, а потом оказалось очень многое так, как и было.

РЮТИН. Можно всё извратить до неузнаваемости.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Мы же не будем извращать. Что же мы, со Шкирятовым, будем врать, что ли?

ШКИРЯТОВ. Там все вопросы, о которых каждый член партии может говорить, о разменной монете и т. д. Но важно, как говорится, как ведется подготовка этой работы.

РЮТИН. Хотите верьте, [но] я целиком не разделял их теоретических взглядов по вопросам международной политики, по вопросам Коминтерна, ни капли разногласий с партией у меня не было. В отношении тов. Сталина у меня были отступления, но я всегда оценивал его как самую крупную фигуру, хотя я говорил относительно [его] недостатков, [потому] что надо сохранить эти кадры[47]. Это [было] примерно в декабре месяце [1928 г.]. В разговоре с Ворошиловым я заявлял, что с Бухариным, Томским, Рыковым не пойду. В вопросе об индустриализации у меня были ошибки, но сейчас расхождений нет. Относительно оценки положения в деревне не говорил совершенно. Я сказал, что как-то встречался со Сталиным на Политбюро, когда намечался вопрос относительно районирования, я высказал тогда, что целесообразнее было бы ликвидировать не окружные, а областные центры. В отношении этого у меня были сомнения.

НЕМОВ. Этого ты не говорил, ты не сочиняй, об этом ты ни слова не говорил, честное слово, это ты выдумываешь. Ты говорил, что установка относительно коллективизации сельского хозяйства гибельна.

ШКИРЯТОВ. А если бы и говорил, то что же тут особенного?

НЕМОВ. Вот в отношении оценки статьи Брюханова я признался, что я ее не читал, и я не писал этого в заявлении, теперь вспомнил.

РЮТИН. Ты и это пытаешься связать с общей линией партии.

[46] В тексте опечатка, имеется в виду М. П. Томский.

[47] Вероятно, имеются в виду представители так называемого правого уклона.

НЕМОВ. Как ты не хочешь сказать, что основной вопрос к этому сводился.

РЮТИН. И другие товарищи в санатории оценивали эту статью как слабую статью.

НЕМОВ. Дело не в том, что написал Брюханов, а что это является политикой партии. Главным образом ты напирал на [политику] Сталина. Вся беда, всё несчастье от того, что Сталин управляет. Вот ты говорил, на собраниях все резолюции проходят единогласно, это характерно, а наши пропагандисты, когда приезжают, говорят, мы уже так забрехались, что никто нам не верит.

РЮТИН. Выходит, что я целиком высказывался, а он только меня слушал, как я соловьем пою. Здесь что-то не так. Ты тоже говорил относительно трудностей и говорил в таком же порядке. Он не возражал, когда я высказывался относительно бухаринской статьи, когда я высказывался относительно отношения к правым, ничего.

НЕМОВ. Ничего этого я не спрашивал.

РЮТИН. Нет, ты сказал, а какое твое отношение к позиции правых. Ты солидаризировался со мной, что их позиция правильна.

НЕМОВ. Послушайте, товарищи, выходит так, что не только он говорил, но и Немов говорил, что и он давал ту же самую оценку.

ШКИРЯТОВ. Для характеристики вопроса скажите, был ли какой-нибудь разговор о Коган?

РЮТИН. Не помню.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Что приехала игуменья.

РЮТИН. Нет, тут дело такое, на Красной Пресне звали «мать игуменья» Беленькую.

НЕМОВ. А к чему это было?

РЮТИН. По совести, откровенно, не помню почему я это сказал. Но во всяком случае не в связи с общей политикой партии.

НЕМОВ. Вот ты сказал, что игуменья приехала и при ней ни гу-гу, и что когда она сидит за столом, то как она ни пытается заговорить, все как в рот воды набрали.

РЮТИН. Она говорила, что сейчас продовольственное положение улучшилось в связи с тем, что построили по районам палатки, стало значительно лучше, и что из дому ей писали, что продовольственное положение стало лучше.

НЕМОВ. Вот что ты говорил. Он объясняет все продовольственные затруднения тем, что не хватает палаток. Продовольствия много, но нет палаток. Ты говорил: «и хватает же у человека нахальства так врать. Мы сидим, все молчим, за исключением одного чинуши, который всё время ей поддакивает». Не помню, о ком это ты говорил, кто этот чинуша.

Я думаю, Рютин хуже делает, что он так отпирается, если еще тебя прижмут некоторые товарищи, которые всё это подтвердят, будет еще хуже. Ты должен правду сказать, потому что я убежден, что подтвердят и другие товарищи, если ЦКК возьмет их [в оборот] как следует.

РЮТИН. Что ты занимаешься клеветой. У меня есть ряд товарищей, которые знают мои позиции.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Кончим на этом. Я тов. Рютину сказал, что речь идет об очень серьезном, о двурушничестве, о самой возможности оставления в партии.

РЮТИН. Я напишу всё это.

НЕМОВ. Я хотел бы, чтобы он при вас еще сказал: когда мы стояли с тобой и подошел Бубнов — это который раз было 8-й или 10-й, — и мы как раз говорили об этом, это было уже накануне отъезда, и ты давал мне свой адрес, куда к тебе заходить и т. д.

РЮТИН. И ты мне давал.

НЕМОВ. И я давал тоже. И подходил тов. Бубнов, и ты сказал: «вот с такими людьми я всегда полностью поддерживаю линию партии, и виду не подаю. Я подойду к нему, мне нужно кое-что узнать».

РЮТИН. Конечно, двурушничество.

НЕМОВ. А как ты мне сказал?

РЮТИН. Я просто подошел к Бубнову и спросил его относительно...

НЕМОВ. Ты же говорил: «я всегда с такими людьми поддерживаю линию партии, тут нужно ухо держать востро».

ШКИРЯТОВ. Уже считал вас своим?

РЮТИН. Клеветник.

Когда написать вам?

ЯРОСЛАВСКИЙ. Сегодня.

РЮТИН. Я несколько расстроен... я не знаю... я попытаюсь в течение суток написать. Очевидно, от руки написать.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Лучше от руки, конечно. Другим лучше не давать.

РЮТИН. Пока это дело разберется, я не смогу работать. Шведченков уехал в отпуск, работы очень много, но мое внутреннее состояние такое, я сейчас говорю вам...

ЯРОСЛАВСКИЙ. На днях разберем.

РЮТИН. Я болею чрезвычайно за работу, но просто не смогу работать. Разрешите мне хотя бы Сутырину сказать, что дело в ЦКК...

ШКИРЯТОВ. Зачем ему это говорить.

РЮТИН. Сказать, что несколько дней не буду ходить [на работу].

ШКИРЯТОВ. В течение двух дней мы уже кончим.

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 9355 (Т. 3). Л. 191–211.
[*Подлинник. Машинопись. Неправленная стенограмма*]

References

Anfert'ev I. A. «Takoj otvet mog by byt' ponât kak neželanie otvečat' Central'noj kontrol'noj komissii...» O presledovanii irkutskimi partijnymi činovnikami «opal'nogo» kandidata v členy CK VKP(b) M. N. Rûtina. 1929 g. // Istoričeskij arhiv. 2010. № 2. S. 177–185.

Anfert'ev I. A. Stenogramma zasedaniâ Prezidiuma CKK VKP(b) ot 23 sentâbrâ 1930 g. Deâtel'nost' M. N. Rûtina protiv režima I. V. Stalina // Klio. 2004. № 4 (27). S. 33–45.

Central'nyj komitet KPSS, VKP(b), RKP(b), RSDRP(b): Istoriko-biografičeskij spravočnik / Sost. Û. V. Gorâčev. M.: Izdatel'skij dom «Parad», 2005.

Dokumenty svidetel'stvuût. Iz istorii derevni nakanune i v hode kollektivizacii 1927–1932 gg. M., 1989.

Hlevnûk O. V. Politbûro. Mehanizmy političeskoj vlasti v 30-e gody. M., 1996.

Hlevnûk O. V. Hozâin. Stalin i utverždenie stalinskoj diktatury. M.: ROSSPÈN, 2010.

Istoriografiâ stalinizma: Sb. st. M., 2007.

Istoriâ stalinizma: repressirovannaâ provinciâ. M.: ROSSPÈN, 2011.

Kak lomali nèp. Stenogrammy plenumov CK VKP(b) 1928–1929 gg. V 5 t. M., 2000.

Maslov N. Potrâsaûŝij dokument èpohi stalinizma // Izvestiâ CK KPSS. 1990. № 12. S. 200–202.

O dele tak nazyvaemogo «Soûza marksistov-lenincev» // Izvestiâ CK KPSS. 1989. № 6. S. 104.

Pis'ma I. V. Stalina V. M. Molotovu. 1925–1936. Sbornik dokumentov / Sost.: L. Košeleva, V. Lel'čuk, V. Naumov, O. Naumov, L. Rogovaâ, O. Hlevnûk. M., 1995.

Rûtin M. Partiâ i rabočij klass. M., 1924.

Rûtin M. N. Edinstvo partii i disciplina. M.–L.,1926.

Rûtin M. N. Smenovehovcy i proletarskaâ revolûciâ. Rostov-na-Donu, 1924.

Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska. 1928–1941 gg. M.,1999.

Stalin i Kaganovič. Perepiska. 1931–1936 gg. / Sost.: O. V. Hlevnûk, R. U. Dèvis, L. P. Košeleva, È. A. Ris, L. A. Rogovaâ. M., 2001.

Stalinskoe Politbûro v 30-e gody. Sbornik dokumentov / Sost.: O. V. Hlevnûk, A. V. Kvašonkin, L. P. Košeleva, L. A. Rogovaâ. M., 1995.

Starkov B. «Moâ tragediâ... tragediâ celoj èpohi» (iz pisem M. N. Rûtina rodnym. 1932–1936 gg.) // Izvestiâ CK KPSS. 1990. № 3. S. 163–178.

Starkov B. Delo Rûtina // Oni ne molčali. M., 1991. S. 145–178.

Starkov B. Založnik socialističeskoj idei // Dela i lûdi stalinskogo vremeni. SPb., 1995. S. 181–209.

Starkov B. M. N. Rûtin (K političeskomu portretu) // Izvestiâ CK KPSS. 1990. № 3. S. 150–163.

Starkov B. Čest' partii // Znanie — sila. 1988. № 11. S. 81–83.

Tragediâ sovetskoj derevni. Kollektivizaciâ i raskulačivanie. Dokumenty i materialy. 1927–1939. T. 1. Maj 1927 — noâbr' 1929 gg. M., 1999.

Vlast' i oppoziciâ. Rossijskij političeskij process HH stoletiâ. M., 1995.

XIV s'ezd VKP (b). Stenografičeskij otčet. M., 1926.

XV s'ezd Vsesoûznoj Kommunističeskoj partii (bol'ševikov). Stenografičeskij otčet. M.–L., 1927.

Список литературы

Анфертьев И. А. «Такой ответ мог бы быть понят как нежелание отвечать Центральной контрольной комиссии...» О преследовании иркутскими партийными чиновниками «опального» кандидата в члены ЦК ВКП(б) М. Н. Рютина. 1929 г. // Исторический архив. 2010. № 2. С. 177–185.

Анфертьев И. А. Стенограмма заседания Президиума ЦКК ВКП(б) от 23 сентября 1930 г. Деятельность М. Н. Рютина против режима И. В. Сталина // Клио. 2004. № 4 (27). С. 33–45.

Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.

Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989.

Историография сталинизма: Сб. ст. М., 2007.

История сталинизма: репрессированная провинция. М.: РОССПЭН, 2011.

Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000.

Маслов Н. Потрясающий документ эпохи сталинизма // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 200–202.

О деле так называемого «Союза марксистов-ленинцев» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 104.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936. Сборник документов / Сост.: Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М., 1995.

Рютин М. Партия и рабочий класс. М., 1924.

Рютин М. Н. Единство партии и дисциплина. М.–Л., 1926.

Рютин М. Н. Сменовеховцы и пролетарская революция. Ростов-на-Дону, 1924.

Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост.: О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001.

Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост.: О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1995.

Старков Б. «Моя трагедия... трагедия целой эпохи» (из писем М. Н. Рютина родным. 1932–1936 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 163–178.

Старков Б. Дело Рютина // Они не молчали. М., 1991. С. 145–178.

Старков Б. Заложник социалистической идеи // Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995. С. 181–209.

Старков Б. М. Н. Рютин (К политическому портрету) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 150–163.

Старков Б. Честь партии // Знание — сила. 1988. № 11. С. 81–83.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. Т. 1: Май 1927 — ноябрь 1929 гг. М., 1999.

XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1926.

XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.–Л., 1927.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.

Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): Историко-биографический справочник / Сост. Ю. В. Горячев. М.: Издательский дом «Парад», 2005.